

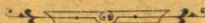
ПРОЛѢТАРИИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЯ!

П. ЛАФАРГЪ.

ПРАВО НА ЛѢНОСТЬ.

(Опроверженіе „Права на трудъ“, 1848 г.)

Книгоиздательство
„ЛУЧЪ“
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Я. Мильштейна, Нижегородская, 31.
1905 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Тьеръ въ комиссіи по первоначальному обученію 1849 года сказалъ: «Я хочу сдѣлать вліяніе духовенства всемогущимъ, потому что я рассчитываю на него въ дѣлѣ распространенія этой славной философіи, которая учитъ человѣка, что онъ посланъ на землю, чтобы страдать, а не той другой философіи, которая, наоборотъ, говоритъ человѣку: наслаждайся». Тьеръ формулировалъ мораль буржуазнаго класса, воплотивъ въ этихъ словахъ ея лютый эгоизмъ и узость воззрѣній.

Когда буржуазія боролась съ дворянствомъ, поддерживаемымъ духовенствомъ, она провозглашала свободное изслѣдованіе и атеизмъ; но восторжествовавъ, она измѣнила свои пріемы и свой тонъ; и теперь она стремится укрѣпить за религіей ея экономическое и политическое главенство. Въ XV и XVI вѣкахъ она съ легкостью возобновила языческія традиціи и прославляла плоть и ея страсти, осужденныя христіанствомъ; въ наши дни, купаясь въ роскоши, она отрицаетъ ученія своихъ мыслителей Раблэ, Дидро и проповѣдуетъ рабочимъ воздержаніе.

Капиталистическая мораль, жалкая пародія на христіанскую мораль, предастъ анаѳемѣ плоть трудящагося; она стремится въ идеалѣ свести потребности человѣка къ безусловному минимуму, уничтожить его радости и его страсти и обречь его на роль машины, производящей работу, безъ отдыха, безъ пощады.

Революціоннымъ социалистамъ предстоитъ возобновить борьбу, которую вели философы и памфлетисты буржуазіи; имъ

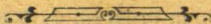
предстоит напасть на мораль и социальныя теории капитализма; имъ предстоитъ уничтожить въ умахъ людей класса, призваннаго къ борьбѣ, предрасудки, посѣяныя господствующимъ классомъ; имъ предстоитъ провозгласить предъ лицомъ лицемѣрныхъ проповѣдниковъ всѣхъ нравственныхъ ученій, что земля перестанетъ быть долиной слезъ трудящихся; что въ коммунистическомъ обществѣ будущаго, которое мы оснужаемъ «если возможно—мирно, если нѣтъ—то насильственно», люди не будутъ злоупотреблять своими страстями, ибо «по природѣ своей всѣ люди добры и намъ надо лишь остерегаться ихъ дурныхъ привычекъ и ихъ излишествъ» *), которыя могутъ исчезнуть только благодаря ихъ взаимному уравниванію и гармоническому развитію человѣческаго организма, ибо говоритъ докторъ Биддой (Beddoe) **) «только при максимумѣ своего физическаго развитія, раса достигаетъ наивысшей точки своей энергіи и нравственной силы». Таково также мнѣніе великаго натуралиста Чарльза Дарвина ***).

* *
*

Опроверженіе *Права на трудъ*, которое я снова издаю съ нѣкоторыми дополнительными примѣчаніями, было напечатано въ 1880 г. во второмъ выпускѣ еженедѣльника «Равенство» (L'Egalité).

П. Л.

Тюръма Святой Пелагеи, 1883 г.

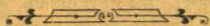
*) Декартъ. Страсти души.

***) Докторъ Биддой. Мемуары Антропологическаго Общества.

****) Ч. Дарвинъ. Происхожденіе человѣка.

ПРАВО НА ЛѢНОСТЬ.

(Опроверженіе «Права на трудъ» 1848 г.).

Будемъ лѣниться во всемъ и всегда,
только не тогда, когда любимъ и когда
пируемъ, только не тогда, когда лѣнимся
Лёссингъ.

I

Страшнымъ безуміемъ одержимы рабочіе классы народовъ, среди которыхъ царствуетъ капиталистическая цивилизація. Это безуміе влечетъ за собою личныя и общественныя бѣдствія, которыя въ теченіе двухъ вѣковъ терзаютъ жалкое человѣчество. Это безуміе — любовь къ труду, ненюговая страсть къ труду, доведенная до истощенія жизненныхъ силъ индивидуума и его потомства. Въмѣсто того, чтобы противодѣйствовать этой психической аберраціи, священники, экономисты, моралисты, освятили трудъ. Слѣпые и ограниченныя люди они захотѣли бытъ мудрѣе ихъ Бога; слабыя и презрѣнныя люди они захотѣли возстановить то, что проклялъ ихъ Богъ. Я не исповѣзую христіанства, я не экономистъ и не моралистъ, но на ихъ рѣшеніе я апеллирую къ ихъ Богу; на проповѣдыванія ихъ религіозной, экономической, свободомыслящей морали я апеллирую къ ужаснымъ послѣдствіямъ труда въ капиталистическомъ обществѣ.

Въ капиталистическомъ обществѣ трудъ является причиной всякаго умственного вырожденія, всякаго органическаго уродства. Сравните чистокровную лошадь Ротшильдовскихъ конюшенъ, которой прислуживаетъ двурукая челядь, съ тяжелой и неуклюжей лошадью нормандскихъ фермъ, которая обрабатываетъ землю, возаетъ удобреніе, свозитъ въ гумно хлѣбъ. Взгляните на благороднаго дикаря, котораго миссіонеры торговли и торговцы религіи еще не развратили христіанствомъ, сифилисомъ и догматомъ труда, и взгляните затѣмъ на нашихъ несчастныхъ прислужниковъ машинъ *).

*) Европейскіе изслѣдователи останавливаются въ изумленіи передъ физической красотой и гордой поступью людей первобыт-

Чтобы найти въ нашей цивилизованной Европѣ слѣды природной человѣческой красоты, надо искать ее у тѣхъ народовъ, у которыхъ экономическіе предразсудки еще не уничтожили ненависти къ труду. Испанія, которая, увы, вырождается, можетъ еще гордиться тѣмъ, что владѣетъ меньшимъ количествомъ фабрикъ, чѣмъ мы—тюремъ и казармъ; но артистъ радуется, глядя на смѣлаго андулузца, чернаго какъ гагара, прямого и гибкаго какъ стальной стержень; и сердце чело-

ныхъ народовъ, еще не зараженныхъ тѣмъ, что Пеппигъ называлъ «ядовитымъ дыханіемъ цивилизаціи». Говоря о туземцахъ океаническихъ острововъ, лордъ Джоржъ Кампбелль восклицаетъ: «Нѣтъ въ мірѣ народа, который поражалъ бы на первый взглядъ болѣе. Ихъ гладкая съ легкимъ мѣдноватымъ отблскомъ кожа, ихъ золотистые и вьющіеся волосы, ихъ красивыя и привѣтливыя лица, словомъ вся ихъ фигура даетъ новый и великолѣпный образчикъ *человѣческаго вида* (genus homo); по своему ви́шнему виду они производятъ впечатлѣніе расы высшей, чѣмъ наша». Цивилизованные древніе римляне—Цезарь, Тацитъ съ тѣмъ же изумленіемъ наблюдали коммунистическія германскія племена, покорившія Римскую имперію.—Подобно Тациту священникъ Сальвіанъ, жившій въ V-мъ вѣкѣ, котораго называли *старшиной епископовъ*, ставилъ варваровъ въ примѣръ цивилизованнымъ и христіанамъ: «Мы—развратники среди варваровъ, которые цѣломудреннѣе насъ. Гораздо болѣе варвары страдаютъ отъ нашего распутства: среди готовъ нѣтъ развратниковъ готской же національности; только римляне, благодаря печальной привилегіи своей національности и своего имени, имѣютъ право быть порочными. (Педеластия была въ то время въ большомъ ходу). Угнетенные ищутъ гуманности и убѣжища у варваровъ» — (О правленіи Бога). (Старая цивилизація и нарождающееся христіанство развратили варваровъ древняго міра; какъ одряхлѣвшее христіанство и новѣйшая капиталистическая цивилизація развращаютъ дикарей Новаго Свѣта).

М. Ф. Ле-Плэй, за которымъ нельзя не признать умѣнья наблюдать, даже и въ томъ случаѣ, когда не соглашаешься съ его соціологическими выводами, зараженными филантропической и христіанской честностью, говоритъ въ своей книгѣ *Европейскіе рабочіе* (1885 г.): «Склонность башкиръ къ лѣни (башкиры—полукочевое пастушеское племя азіатскаго склона Урала), досугъ кочевой жизни, привычка къ размышленіямъ, возникающая у лицъ наиболѣе богато одаренныхъ, часто сообщаютъ этимъ послѣднимъ такую изысканность обращенія, такую тонкость ума и сужденія, какую вы рѣдко встрѣтите на томъ же общественномъ уровнѣ при болѣе развитой цивилизаціи... Наибольшее отвращеніе они питаютъ къ земледѣльческому труду; они предпочитаютъ ему какое угодно занятіе». Земледѣліе, дѣйствительно, является первымъ проявленіемъ рабскаго труда въ человѣческомъ обществѣ. Согласно библейскому преданію первый преступникъ Каинъ былъ земледѣльцемъ.

вѣка трепещеть, слыша какъ нищій, великолѣпно задрапированный въ свой дырявый *плащъ* (сара), называетъ *другомъ* (amigo) герцога Оссуекаго.

Для испанца, въ которомъ еще дремлетъ первобытное животное, трудъ есть худшая форма рабства *). И греки героической эпохи питали презрѣніе къ труду; только рабамъ приличествовало трудиться: свободный человѣкъ зналъ только физическія упражненія и умственные игры.

Это было также время, когда жили и дышали воздухомъ народа Аристотеля, Фидія, Аристофана; это было время, когда горсть храбрецовъ уничтожила при Марафонѣ азіатскія орды, вскорѣ завоеванныя Александромъ. Философы древности учили презрѣнію къ труду, какъ принижающему достоинство свободного человѣка: поэты воспѣвали лѣность—этотъ даръ боговъ:

O Meliboe Deus nobis hoc otia fecit **)

Христосъ въ своей нагорной проповѣди поучалъ: «Посмотрите на полевые лиліи, какъ онѣ растутъ: не трудятся, не прядутъ; но я говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ» ***). Иегова, Богъ-Отецъ «почилъ отъ дѣлъ своихъ» послѣ сотворенія міра и человѣка.

Наоборотъ, для какихъ расъ трудъ является органической потребностью? Для овернецевъ, для шотландцевъ, этихъ овернецевъ британскихъ острововъ; для галлегосовъ, этихъ овернецевъ Испаніи; для жителей Помераніи, этихъ овернецевъ Германіи; для китайцевъ, этихъ овернецевъ Азіи. Въ нашемъ обществѣ какіе классы любятъ трудъ для труда? Крестьяне собственники, мелкіе буржуа, одни, согбенные надъ своей землей, другіе, заманивая покупателей въ свои лавки, копаются какъ кроты въ своемъ подземномъ жилищѣ и никогда не выпрямятся, чтобы взглянуть въ свободное время на природу.

И, однако, пролетаріатъ — великій классъ, охватывающій всѣхъ производителей цивилизованныхъ народовъ, классъ, который, освободивъ себя, освободитъ человѣчество отъ рабскаго

*) Испанская поговорка гласитъ: въ отдыхѣ—здоровье (Descanzar es salud).

***) О Мелибѣ, Богъ даровалъ намъ эту праздность.

Виргилій, *Буколики* (см. приложение).

***) Евангеліе отъ Маттея, гл. VI.

труда и сдѣлаеть животное-человѣка свободнымъ существомъ, пролетаріатъ, измѣнивъ своимъ инстинктамъ, не сознавъ своей исторической миссiи, далъ себя развратить догматомъ труда. Сурова и ужасна была кара. Всѣ индивидуальныя и социальныя бѣдствія порождены его страстью къ труду.

II.

Благословеніе труда.

Въ 1770 году появилась въ Лондонѣ анонимная статья, озаглавленная: «*Опытъ изслѣдованія ремеслъ и торговли*». Она надѣлала въ то время нѣкотораго шума. Авторъ ея, великій филантропъ, негодовалъ на то, что «мануфактурный плебей въ Англіи твердо вбилъ себѣ въ голову, что всѣмъ людямъ, составляющимъ англійскій народъ, въ качествѣ таковыхъ принадлежитъ по праву рожденія привиллегія, быть болѣе свободными и болѣе независимыми, чѣмъ рабочіе всякой другой европейской страны. Эта идея можетъ быть отчасти полезна для солдатъ, такъ какъ она возбуждаетъ въ нихъ храбрость; но чѣмъ менѣе ею проникнуты мануфактурные рабочіе, тѣмъ это лучше для нихъ самихъ и для государства. Рабочіе никогда не должны считать себя независимыми отъ стоящихъ выше ихъ. Чрезвычайно опасно поощрять подобныя увлеченія въ такомъ торговомъ государствѣ, какъ наше, гдѣ, быть можетъ, семь восьмыхъ населенія имѣютъ очень незначительную собственность, или совсѣмъ оной не имѣютъ. Мы до тѣхъ поръ не разовьемъ вполнѣ своихъ богатствъ, пока наша промышленная бѣднота не станетъ безрлотно трудиться, получая за шестидневную работу плату, какую она теперь выручаетъ въ четыре дня. Такимъ образомъ, приблизительно за столѣтіе до Гизо въ Лондонѣ открыто проповѣдывали трудъ, какъ средство, обуздывающее благородныя человѣческія страсти. «Чѣмъ больше будутъ работать мои народы, тѣмъ меньше будетъ пороковъ», писалъ изъ Остерода 5-го мая 1807 года Наполеонъ. «Я властвую... и я повелѣваю, чтобъ во воскресеньямъ по окончаніи службы, магазины были открыты и рабочіе принимались за работу». Чтобъ вырвать съ корнемъ лѣность и сломить чувство гордости и независимости, порождаемая ею, авторъ *Опыта изслѣдованія ремеслъ* предлагаетъ помѣ-

щать бѣдныхъ въ *идеальные рабочіе дома* (ideal workhouses), которые станутъ «домами ужаса, гдѣ будутъ заставлять работать по 14 часовъ въ сутки, такъ что за вычетомъ времени для ѣды, на работу будетъ оставаться цѣлыхъ двѣдцать часовъ». Двѣнадцать часовъ ежедневнаго труда, вотъ идеаль философовъ и моралистовъ XVIII столѣтія. Какъ превзошли мы этотъ высшій идеаль! Современныя мастерскія стали идеальными исправительными домами, куда заключаютъ рабочихъ, гдѣ они обречены на каторжный трудъ по 12 и 14 часовъ въ сутки, не только мужчины, но женщины и дѣти! *) И сказать, что сыновья героевъ террора подъ вліяніемъ религіи труда дошли до того, что приняли послѣ 1848-го года законъ о двѣнадцатичасовомъ трудѣ на фабрикѣ, какъ революціонное завоеваніе; что они провозглашали, какъ революціонный принципъ *право на трудъ*. Позоръ французскому пролетаріату! Только рабы способны на такую низость. Для грека героической эпохи достаточно было двѣнадцати лѣтъ капиталистической цивилизаціи, чтобы понять подобное униженіе.

И если горести подневольнаго труда, если мученія голода разразились надъ пролетаріатомъ въ числѣ большемъ, чѣмъ библейская саранча, то они вызваны имъ же самимъ.

Этотъ трудъ, провозглашенный въ іюнѣ 1848 г. съ оружіемъ въ рукѣ, они возложили на свои семьи; они отдали своихъ женъ и своихъ дочерей во власть промышленныхъ бароновъ. Своими собственными руками они разрушили свой семейный очагъ, своими руками они выжали груди своихъ женъ: несчастныя, будучи беременными или кормя грудью своихъ

---

*) На первомъ брюссельскомъ благотворительномъ конгрессѣ въ 1858 году одинъ изъ наиболѣе богатыхъ фабрикантовъ города Маркетта, находящагося неподалеку отъ Лилля, г. Скривъ при рукоплесканіи членовъ конгресса, рассказывалъ съ чувствомъ благородной удовлетворенности, вызваннымъ сознаніемъ выполненнаго долга, слѣдующее: «Мы ввели нѣкоторыя развлеченія для дѣтей. Мы ихъ научаемъ во время работы пѣнію и счету; это ихъ развлекаетъ и помогаетъ имъ бодро переносить *тотъ двѣнадцатичасовой трудъ, который необходимъ для того, чтобы они могли выработать нужное для ихъ существованія!*» Двѣнадцать часовъ труда, да еще какого труда! И на этотъ трудъ обречены дѣти, не достигшія двѣнадцатилѣтняго возраста! Материалисты всегда будутъ сожалѣть, что нѣтъ ада, куда можно было бы отправить этихъ христіанъ, этихъ филантроповъ, палачей дѣтства.

младенцевъ, должны надсаживаться и надламывать свои силы въ коняхъ и на фабрикахъ; своими собственными руками они надломили силы своихъ дѣтей. Позоръ пролетаріямъ! Гдѣ эти кумушки, о которыхъ повѣствуютъ наши старинныя пѣсни и сказки, отважныя, когда это требуется, вольныя въ своихъ рѣчахъ, склонныя къ божественной бутылкѣ. Гдѣ эти молодецкія бабы, хлопотливыя стряпухи, пѣвуньи, распространяющія вокругъ себя жизнь и радость, безболѣзненно рожающія здоровыхъ и сильныхъ мальцевъ?... Предъ нами теперь фабричныя дѣвушки и женщины, поблекшія цвѣтки, лишеныя красокъ, безкровныя, съ разстроенными желудками, съ ослабленными членами!... Онѣ не испытали сильнаго чувства и онѣ не способны смѣло рассказать, какъ онѣ отдались любви!—А дѣти? Двѣнадцатичасовой трудъ для дѣтей! О позоръ!—Но всѣ Жюль Симоны академіи нравственно-политическихъ наукъ, всѣ Герминусы іезуитизма, не могли бы избрѣсти ничего болѣе притупляющаго умственныя способности дѣтей, болѣе развращающаго ихъ инстинкты, болѣе разрушительнаго для ихъ организма, чѣмъ работа въ зараженной атмосферѣ капиталистической мастерской. Говорятъ, что нашъ вѣкъ—вѣкъ труда; да, дѣйствительно, онъ вѣкъ скорби, нищеты и разврата.

И, однако, буржуазные философы и экономисты, начиная съ утомительно сбивчиваго Огюста Конта, — до яснаго, до смѣшного Леруа-Волье, всѣ буржуазные писатели, начиная съ шарлатански-романтическаго Виктора Гюго до простодушно-забавнаго Поль-де-Кока, всѣ они слагали тошнотворныя пѣснопѣнья въ честь бога Прогресса, старшаго сына Труда. Послушавъ ихъ, подумаешь, что счастье вскорѣ воцарится на землѣ: уже чувствуется его приближеніе. Они копались въ илы былыхъ временъ и бѣдствійхъ феодальной эпохи, чтобы принести въ усладу нашимъ временамъ эти мрачныя обломки. Они утомили насъ, эти старательно питающіе насъ надеждами, эти удовлетворенные, которые еще недавно были въ числѣ прислужниковъ вельможъ, теперь же состоятъ щедро оплачиваемыми литературными лакеями буржуазіи: они утомили насъ вмѣстѣ съ «пейзаномъ» риторомъ Лабрюэромъ!

Прекрасно! Вотъ блестящая картина пролетарскаго благоденствія въ годъ капиталистическаго прогресса—1840, нарисованная однимъ изъ вышеупомянутой плеяды, докторомъ Виллермэ, членомъ института, тѣмъ самымъ, который въ

1848 г. состоялъ членомъ общества ученыхъ (членами его были Тьеръ, Кузенъ, Пасси, академикъ Вланки), распространявшаго въ народныхъ массахъ глупости буржуазной экономики и морали.

Это о мануфактурномъ Эльзасѣ, говоритъ докторъ Виллермэ, объ Эльзасѣ Кестнеровъ, Долльфусовъ, этого цвѣта промышленной филантропіи и республиканства. Но прежде чѣмъ докторъ нарисуетъ намъ картину бѣдствій пролетаріевъ, выслушаемъ эльзасскаго фабриканта господина Мигъ, владѣльца торговаго дома, Долльфусъ, Мигъ и Ко, который слѣдующимъ образомъ описываетъ положеніе ремесленника въ былое время: пятьдесятъ лѣтъ въ Мюльхаузѣ (въ 1813, когда нарождалась современная механическая промышленность) всѣ рабочіе были дѣтьми земли, жили въ городѣ и въ окрестныхъ селахъ и почти всѣ владѣли домами, а часто небольшимъ клочкомъ земли *). Это былъ золотой вѣкъ труженика. Но тогда эльзасская промышленность не наводняла міровой рынокъ своими тканями и не создавала милліоновъ для своихъ Долльфусовъ и своихъ Кехлиновъ. Но спустя двадцать пять лѣтъ, когда Виллермэ посѣтилъ Эльзасъ, современный минотавръ—капиталистическая мастерская уже подчинила себѣ страну; въ своей ненавистной жаднѣ чело-вѣческаго труда, она оторвала рабочаго отъ семейнаго очага для того, чтобы лучше вымучить его и лучше выжать изъ него ту работу, которую онъ въ себѣ содержитъ. Тысячами сбѣгались рабочіе на свистъ машины. «Значительная часть рабочихъ», говоритъ Виллермэ, «пять тысячъ изъ семнадцати тысячъ, вслѣдствіе дороговизны квартиръ, принуждены были селиться въ сосѣднихъ деревняхъ. Нѣкоторые изъ нихъ жили въ двухъ лье и даже въ двухъ съ четвертью лье отъ фабрики, гдѣ они работали.

«Въ Мюльхаузѣ, въ Дорнахъ зимою и лѣтомъ работа начиналась въ пять часовъ утра и кончалась въ пять часовъ вечера... Надо было посмотрѣть на нихъ, какъ они каждое утро и каждый вечеръ уходили къ себѣ. Между ними было множество бѣдныхъ, истощенныхъ женщинъ, босыхъ, несмотря на грязь, которыя, за неимѣніемъ зонтиковъ, накрывали го-

*) Речь произнесенная въ международномъ обществѣ практическаго изученія соціальной экономіи въ Парижѣ въ маѣ 1863 г. и напечатанная въ томъ же году во «Французскомъ Экономистѣ» («L' Economiste francais»).

лову своими передниками или верхними юбками, когда шелъ дождь или снѣгъ, чтобы защитить лицо и шею; между ними было еще больше подростковъ, такихъ же истощенныхъ, одѣтыхъ въ лохмотья, совсѣмъ засаленныхъ отъ машиннаго масла, которое падало на нихъ во время работы. У этихъ послѣднихъ лучше защищенныхъ отъ дождя, благодаря непроницаемости ихъ одеждъ, нѣтъ даже въ рукѣ корзинки для провизіи на цѣлый день, которыя имѣются у вышеупомянутыхъ женщинъ; но они держатъ въ рукѣ, или прячутъ подъ курткой или, какъ придется, несутъ кусокъ хлѣба, которымъ они должны питаться до самаго своего возвращенія домой.

«И такъ къ непоимѣрно долгому рабочему дню, ибо онъ заключается въ себѣ, по крайней мѣрѣ, 15 часовъ, присоединяется для этихъ несчастныхъ ходьба туда и обратно, столь частая и столь утомительная. Отсюда происходитъ то, что вечеромъ они возвращаются къ себѣ, одолѣваемые потребностью сна, и что на слѣдующій день они отправляются на работу, не успѣвъ вполнѣ отдохнуть, такъ какъ должны посѣть въ мастерскую къ ея открытію.

Вотъ описаніе конуръ, въ которыхъ скучивались рабочіе живущіе въ городѣ: «Я видѣлъ въ Мюльхаузѣ, въ Дорнахѣ и въ сосѣднихъ домахъ эти убогія квартиры, въ которыхъ жили по двѣ семьи; каждая изъ нихъ ютилась въ своемъ углу и спала на соломѣ, разостланной на полу и огороженной двумя досками... Эта нищета, въ которой живутъ рабочіе хлопчатобумажнаго производства въ Верхне-Рейнской провинціи настолько велика, что она влечетъ за собою слѣдующее печальное слѣдствіе: въ то время, какъ въ семьяхъ фабрикантовъ, негоціантовъ, торговцевъ сукнами, директоровъ заводовъ половина дѣтей достигаетъ двѣдцати одного года) въ семьяхъ ткачей и хлопчатобумажныхъ прядильщиковъ та же половина умираетъ не достигнувъ двухлѣтнаго возраста...»

Говоря о работѣ въ мастерской, Виллермэ прибавляетъ: «Это не трудъ, не обязанность, это мученіе, которому подвергаютъ дѣтей шести восьми лѣтъ... И именно эта ежедневная длительная пытка изнуряетъ, главнымъ образомъ, рабочихъ хлопчатобумажнаго производства.»

А по поводу продолжительности рабочаго дня, Виллермэ замѣчалъ, что арестанты на каторгѣ работаютъ только десять часовъ, рабы на Антильскихъ островахъ — въ среднемъ девять часовъ, тогда какъ во Франціи, произведшей револю-

цію 89 года, провозгласившей высокопарныя *«права человека»* есть мануфактуры, на которыхъ работаютъ по 16-ти часовъ, при чемъ на фду рабочимъ дается только полтора часа» *).

О жалкій недоносокъ революціонныхъ принциповъ буржуазіи! о, печальные дары ея бога Прогресса!—Филантропы объявляютъ благодѣтелями челоѳчества тѣхъ которые, чтобы обогатиться, ничего не дѣлая, даютъ работу бѣднымъ; было бы лучше заразить воздухъ чумою, отравить источники, чѣмъ воздвигнуть среди сельскаго населенія капиталистическую фабрику. Введите фабричный трудъ и прощай радость, здоровье, свобода; прощай все, что дѣлаетъ жизнь прекрасной и достойной того, чтобы жить **).

А экономисты продолжаютъ повторять рабочимъ: работайте, чтобы умножить общественныя богатства! и, однако, экономистъ Дести-де-Траси имъ отвѣчаетъ: «Народу бѣдныхъ націй живется хорошо; тогда какъ народъ богатыхъ націй

---

*) Л. Р. Виллермэ. *Таблица физическаго и нравственнаго состоянія рабочихъ на хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ фабрикахъ* (1840). Доляфусъ, Кехлинъ и другіе эльзасскіе фабриканты такъ дурно обращались со своими рабочими не потому, что они были республиканцами, патриотами и филантропами протестанскаго вѣроисповѣданія, ибо академикъ Бланки, Рейбо ¹⁾, этотъ прототипъ Жерома Патиры и Жюль Симона, этотъ политиканъ-мастеръ, годный на всѣ руки, наблюдали такую же заботливость по отношенію къ рабочему классу со стороны правовѣрныхъ католиковъ и убѣжденныхъ монархистовъ фабрикантовъ города Лилля и Ліона. Въ такихъ случаяхъ капиталистическія добродѣтели восхитительно уживаются со всякими политическими и религіозными убѣжденіями.

**) Воинственныя племена Бразильскихъ индѣйцевъ убиваютъ своихъ стариковъ и немощныхъ; они изъявляютъ свою дружбу тѣмъ, что прекращаютъ жизнь, которая не увеселяется болѣе сраженіями, праздниками и танцами. Всѣ первобытныя народы давали своимъ сочленамъ эти доказательства любви: Массагеты, жившіе у береговъ Каспійскаго моря (Геродовъ), а также и германскіе Вѣны и галльскіе Кельты. Еще не такъ давно въ шведскихъ церквахъ хранили палицы, называемыя *фамильными палицами* которыхъ служили для освобожденія родителей отъ скорбей старости. До чего же выродились современные пролетаріи, если они могутъ терпѣливо переносить бѣдствія фабричнаго труда!

¹⁾ Луи Рейбо, французскій писатель, романистъ и публицистъ (1799—1879). Громкую извѣстность онъ приобрѣлъ романомъ «Жеромъ Патиры въ поискахъ за общественнымъ положеніемъ». Это— остроумная сатирическая картина общественнаго и политическаго строя іюльской монархіи.

обыкновенно бѣдствуетъ; а его послѣдователь Шербиллье продолжаетъ: «Сами рабочіе, трудясь надъ накопленіемъ производительныхъ капиталовъ, ведутъ къ тому, что рано или поздно, они должны лишиться части своего заработка».

Но оглушенные и поглупѣвшіе отъ своего собственнаго вытья, экономисты отвѣчаютъ: «Трудитесь постоянно, трудитесь для того, чтобы создать ваше собственное благополучіе»!

И во имя христіанскаго смиренія, преподобный Тауншендъ, священникъ англиканской церкви, распѣваетъ свой псаломъ: трудитесь денно и ночью; трудясь, вы увеличиваете вашу нищету, а ваша нищета избавляетъ насъ отъ необходимости заставлятъ васъ трудиться силою закона. Законодательное принужденіе къ труду «причиняетъ слишкомъ много хлопотъ, требуетъ излишняго насилія и производитъ слишкомъ много шума; голодъ, напротивъ, является не только мирнымъ, молчаливымъ, непрерывнымъ давленіемъ, но какъ самый естественный двигатель труда и промышленности, вызываетъ также наиболѣе сильное напряженіе силъ».

Работайте, работайте, пролетаріи, надъ увеличеніемъ общественнаго благосостоянія и вашей личной нищеты; работайте, работайте, пролетаріи, для того, чтобы, ставъ еще бѣднѣе, вы имѣли бы еще больше основаній трудиться и быть бѣдными. Таковъ неумолимый законъ капиталистическаго производства.

Ибо, прислушиваясь къ лживымъ словамъ экономистовъ и предаваясь тѣломъ и душою пороку труда, пролетаріи толкаютъ общество на тѣ промышленные кризисы перепроизводства, которые потрясаютъ общественный организмъ. И тогда, вслѣдствіе избытка товаровъ и недостатка покупателей, мастерскія закрываются, и голодъ хлещетъ рабочее населеніе своимъ тысячеремненнымъ бичемъ. Пролетаріи, которыхъ догматъ труда лишилъ разума, не понимаютъ, что сверхъ-трудъ, который они налагаютъ на себя во времена лживо называемыя временами благоденствія, является причиной ихъ бѣдности въ настоящее время и что вмѣсто этого они должны двинуться къ хлѣбнымъ амбарамъ и во всеуслышаніе закричать: «Мы голодны, мы ѣсть хотимъ!... Правда, у насъ нѣтъ ни полушки, но хотя мы и совсѣмъ нищіе, однако, это мы сжали хлѣбъ и мы собрали виноградъ...» — Вмѣсто того, чтобы осаждаъ магазины господъ Боннэ, Жижирье, изобрѣтателя промышленныхъ монастырей, пролетаріи должны имъ громко

заявить: «Господинъ Боннэ, вотъ ваши работницы — сучильщицы, пряжи, ткачихи, онѣ дрожать подъ своимъ заплатаннымъ тряпьемъ, печалѣ взоръ богачей, однако, это онѣ пряли и ткали шелковыя платья кокотокъ всего христіанскаго міра. Бѣдняжки, работая по тринадцати часовъ въ сутки, не имѣли времени подумать о своемъ туалетѣ, теперь онѣ прекратили работы и могутъ пощеголять въ шелкахъ, надъ которыми онѣ трудились. Какъ только у нихъ выпали молочные зубы, онѣ посвятили себя созданію вашихъ богатствъ и онѣ жили въ воздержаніи; теперь онѣ хотятъ отдохнуть и немного попользоваться плодами своихъ трудовъ. Полноте, господинъ Боннэ, выдайте имъ шелковыя матеріи, господинъ Хармель предоставитъ имъ свою кисею, господинъ Пуэе - Кертье — свой коленкоръ, господинъ Пинэ—свои ботинки для ихъ маленькихъ хорошенькихъ ножекъ, холодныхъ и влажныхъ... Когда онѣ будутъ одѣты съ ногъ до головы и будутъ веселы, вы съ удовольствіемъ будете на нихъ глядѣть. Ну-те, полно отвертываться, вѣдь вы другъ человѣчества, не правда-ли? и, вдобавокъ, вы христіанинъ?—Предоставьте въ распоряженіе вашихъ работницъ богатства, которыя онѣ создали плотью своей плоти.—Вы другъ торговли?—Содѣйствуйте же обращенію товаровъ; вотъ вамъ потребители — они найдены; откройте имъ неограниченный кредитъ. Вѣдь вамъ приходится это дѣлать негоціантамъ, которыхъ вы совсѣмъ не знаете, которые вамъ ничего не дали, даже стакана воды. Ваши работницы уплатятъ вамъ, какъ могутъ; если же въ день расплаты, онѣ будутъ веселиться и позволять опротестовать свои векселя, то вы ихъ объявите банкротами, а если у нихъ нечего взять, то вы потребуйте, чтобы онѣ заплатили вамъ молитвами: онѣ пошлютъ васъ въ рай скорѣе, чѣмъ ваши должники съ табачными носами».

Вмѣсто того, чтобы воспользоваться періодами кризисовъ для раздѣленія продуктовъ между всѣми и всеобщаго празднованія, околѣвающіе отъ голода рабочіе стучатся головой о двери мастерской. Истощенные, съ осунувшимися лицами, они осаждаютъ фабрикантовъ жалобными рѣчами: «Добрый господинъ Шаго, дорогой господинъ Шнейдеръ, дайте намъ работы, насъ мучитъ не голодъ, а жажда труда!» И эти несчастные, едва держащіеся на ногахъ, отдають свой двѣнадцатичасовой и четырнадцатичасовой трудъ за цѣну вдвое меньшую только потому, что у нихъ нѣтъ вѣрнаго куска

хлѣба. А филантропы промышленности, пользуясь безработицами, сокращают издержки производства.

Если промышленные кризисы слѣдуютъ за періодами чрезвычайнаго труда, такъ же неизбежно, какъ ночь смѣняетъ день, если они и влекутъ за собою вынужденную праздность и безвыходную нужду, то вмѣстѣ съ этимъ они вызываютъ неумолимыя банкротства. Пока фабрикантъ пользуется кредитомъ, онъ даетъ волю этой непомерной страсти къ труду, онъ все занимаетъ, чтобы доставить рабочимъ сырой матеріалъ. Онъ все производитъ, не думая о томъ, что рынокъ переполняется товарами и что если его товары и не будутъ проданы, то тѣмъ не менѣе, его векселя будутъ опротестованы. Попавъ въ безвыходное положеніе, онъ взываетъ къ помощи богача, онъ бросается къ его ногамъ, предлагаетъ ему свою кровь, свою честь. «Немножко золота улучшить мои дѣла», отвѣчаетъ Ротшильдъ, «у васъ 20,000 паръ чулокъ въ магазинѣ, они стоятъ двадцать су, я ихъ беру по четыре су». Купленные чулки богачъ продаетъ по шести и восьми су и прячетъ въ свои карманы неугомонныя монетки въ сто су, которыя никому ничего не должны: но для фабриканта это была отсрочка, чтобы тѣмъ рѣшительнѣе была катастрофа. Наконецъ ледъ ломается, и магазины промываются; тогда выбрасывается изъ оконъ столько товаровъ, что непонятно, какъ они вошли черезъ дверь. Въ сотняхъ миллионовъ исчисляють стоимость уничтоженныхъ товаровъ; въ прошломъ столѣтіи ихъ сжигали или бросали въ воду *).

Но прежде, чѣмъ придти къ такому концу, фабриканты рыщутъ по всему міру, ища рынковъ для скопившихся во множествѣ товаровъ; они вынуждаютъ свое правительство присоединить Конго, овладѣть Тонкиномъ, разрушить съ помощью пушечныхъ выстрѣловъ стѣны Китая, чтобы сбыть тамъ свои товары. Въ послѣдніе вѣка между Франціей и Англіей завязался смертный поединокъ изъ-за исключительнаго права этой послѣдней на продажу въ Америкѣ и Индіи. Тысячи молодыхъ и здоровыхъ людей въ продолженіи колониальныхъ войнъ XVI, XVII и XVIII столѣтій, обогрѣли своей кровью моря.

---

*) На берлинскомъ промышленномъ конгрессѣ 21 января 1879 г. сумму убытковъ, понесенныхъ германской желѣзодѣлательной промышленностью во время послѣдняго кризиса, оцѣнивали въ 568 миллионѣвъ франковъ.

Капиталы имѣются въ такомъ же избыткѣ, какъ и товары. Финансисты не знаютъ, куда ихъ помѣщать; и вотъ они отправляются къ счастливымъ народамъ, которые въ сладостномъ ничегонеделаніи грѣются на солнцѣ подобно ящерицамъ, прокладываютъ у нихъ желѣзныя дороги, воздвигаютъ фабрики и приносятъ съ собою проклятіе, тяготящее надъ трудомъ. Но этотъ отливъ въ чужія страны французскихъ капиталовъ заканчивается въ одно прекрасное утро дипломатическими осложненіями: въ Египтѣ Франція, Англія и Германія, споря о томъ, чьи ростовщики будутъ оплачены первыми, дошли до того, что готовы были вѣдаться другъ другу въ волосы; онъ заканчивается войнами, подобными происшедшимъ въ Мексикѣ, куда отправляютъ французскихъ солдатъ въ качествѣ судебныхъ приставовъ для взысканія дурно выплачиваемыхъ долговъ *).

Однако, какъ ни велики и многочисленны эти индивидуальныя и социальныя бѣдствія, сколь вѣчными они намъ не кажутся, они исчезнутъ, какъ шакалы и гіены при приближеніи льва, когда пролетаріатъ скажетъ: «Я этого хочу.» Но для того, чтобы достигнуть сознанія своей силы, пролетаріатъ долженъ навсегда отбросить предрассудки христіанской, свободомыслящей морали; онъ долженъ возвратиться къ своимъ природнымъ инстинктамъ, онъ долженъ провозгласить *права личности*, тысячу и тысячу разъ болѣе благородныя и болѣе священныя, чѣмъ чахоточныя *права человека*, проповѣдуемая адвокатами-метафизиками буржуазной революціи; онъ долженъ принудить себя къ тому, чтобы работать не

*) «Справедливость» (Justice), органъ Клемансо, въ своемъ финансовомъ обзорѣ отъ 6-го апрѣля 1880 года говоритъ слѣдующее: «Мы слышали, что поддерживается мнѣніе, выражающее мысль, что миллиарды, затраченныя Франціей въ теченіе войны 1870 г. были бы *одинаково потеряны* для нея и въ Пруссіи и именно въ формѣ займовъ, періодически выпускаемыхъ для введенія въ равновѣсіе ея бюджета съ таковыми иностранныхъ государствъ; таково и наше мнѣніе». Убытки, повнесенные англійскими капиталистами въ формѣ займовъ южноамериканскихъ республикъ, оцѣниваются въ пять миллиардовъ. Французскіе рабочіе не только произвели пять миллиардовъ, уплаченныхъ Бисмарку, но они продолжаютъ служить интересамъ военнаго вознагражденія Оливье, Жирардену, Базену и другимъ носителямъ рантьерскаго званія, вызвавшимъ войну и пораженіе. Однако, вмѣстѣ остается утѣшеніе: эти миллиарды не вызовутъ войны съ цѣлью ихъ возвращенія.

болѣе трехъ часовъ въ сутки, и чтобъ бездѣлничать и пировать остальную часть дня и ночи...

До сихъ поръ моя задача была легка: я лишь описывалъ реальныя бѣдствія, увы, извѣстныя намъ всѣмъ! Но убѣдить пролетаріатъ, что нравственность, которая ему привита, противоестественна, что необузданный трудъ, которому онъ предавался съ начала столѣтія, является самымъ ужаснымъ бичемъ, когда-либо поражающимъ человѣчество, что трудъ только тогда будетъ радостной приправой къ лѣности, упражненіемъ, благотворно дѣйствующимъ на человѣческой организмъ, страстью, полезной для соціального организма, когда его максимумъ не превыситъ трехъ часовъ въ сутки,—задача трудная и превышающая мои силы; только физиологи, гигиенисты, экономисты-коммунисты могли бы взяться за ея выполненіе. Въ послѣдующихъ страницахъ я ограничусь тѣмъ, что докажу, что при современныхъ средствахъ производства и ихъ неограниченной производительной мощи, надо обуздать сумасбродную страсть рабочихъ къ труду и принудить ихъ къ потребленію производимыхъ ими товаровъ.

III.

То, что слѣдуетъ за перепроизводствомъ.

Греческій поэтъ времянь Цицерона Антипаросъ воспѣвалъ изобрѣтеніе водяной мельницы (для размалыванія зерна); онъ говорилъ, что она освободитъ рабынь и возстановитъ золотой вѣкъ: «Берегите свои руки, вращающія жерновъ, мельничихи, и спите спокойно! Пусть понапрасну пѣтухъ возвѣщаетъ о наступленіи дня! Дао трудъ рабынь возложилъ на нимфъ и поглядите, какъ онѣ проворно прыгаютъ по колесу и какъ пришедшая въ движеніе ось увлекаетъ за собой всѣ пицы, вращая тяжелое гладкое колесо. Будемъ жить жизнью нашихъ отцовъ и праздные насладимся дарами, ниспосланными намъ богиней».—Увы, досугъ, наступленіе котораго возвѣщалъ языческой поэтъ, еще не насталь; слѣпая, противоестественная и смертоносная страсть къ труду превращаетъ несущую въ себѣ освобожденіе машину въ орудіе поработненія свободныхъ людей: ея продуктивность приводитъ ихъ къ бѣдности.

Ловкая работница съ помощью веретена дѣлаетъ въ минуту пять петель, извѣстные круговые вязальныя станки дѣлаютъ въ тотъ же промежутокъ времени тридцать тысячъ петель.

Слѣдовательно, каждая минута машиннаго труда доставляетъ работницѣ десять дней отдыха. То, что вѣрно для вязальнаго производства оказывается болѣе или менѣе вѣрнымъ для всѣхъ производствъ, видоизмѣненныхъ въ наше время введеніемъ машины.—Но что же мы видимъ? Въ то время, какъ машина совершенствуется и съ непрерывно растущей быстротой и силой вытѣсняетъ человѣческій трудъ, рабочій вмѣсто того, чтобы соотвѣтственно продолжить свой отдыхъ, удваиваетъ усердіе, точно онъ собирается соперничать съ машиной. О, абсурдная и убійственная конкуренція.

Чтобы расчистить дорогу для конкуренціи между человекомъ и машиной, пролетаріи уничтожили мудрые законы, ограничивавшіе трудъ ремесленниковъ старинныхъ корпорацій; они отмѣнили праздничные дни.*)

Такъ какъ производители работали въ то время только

---

*) При старомъ порядкѣ церковныя установленія обезпечивали рабочему 90 дней отдыха (52 воскресенья и 38 праздничныхъ дней), въ теченіе которыхъ строго воспрещалось работать. Это было великимъ преступленіемъ католической церкви, главной причиной отсутствія религіозности въ промышленной и торговой буржуазіи. Революція—какъ только утвердилось ея господство, уничтожила праздничные дни и семидневную недѣлю замѣнила десятидневной; такъ что народъ отдыхалъ только одинъ день изъ десяти. Она освободила рабочихъ изъ подъ ига церкви для того, чтобы лучше подчинить ихъ игу труда.

Ненависть къ праздничнымъ днямъ появилась лишь въ тѣ времена, когда слагалась современная промышленная и коммерческая буржуазія между XV и XVII столѣтіемъ. Генрихъ IV просилъ папу объ ихъ ограниченіи; папа отказалъ потому, что «одна изъ ересей, распространенныхъ теперь, касается праздниковъ». (*Письмо кардинала Осса*). Но въ 1666 году Перейксъ, парижскій архіепископъ, отмѣнилъ въ своей епархіи 17 праздниковъ. Протестанство, какъ христіанская религія, приспособленная къ новымъ промышленнымъ и коммерческимъ потребностямъ буржуазіи, было менѣе заботливо къ народному отдыху; оно низвело съ небеснаго престола святыхъ для того, чтобы уничтожить празднованіе ихъ на землѣ.

Религіозныя реформы и свободная философская мысль были только предлогами, давшими возможность іезуитски хитрой и жадной буржуазіи, ловко выманить у народа праздничные дни.

пять дней изъ семи, думаете ли вы, что они питались, какъ это рассказываютъ лжецы-экономисты только воздухомъ и свѣжей водой?—Да, полноте!—У нихъ было свободное время, чтобы извѣдать земныя радости, чтобы отдать дань любви и повеселиться; чтобы на-славу попировать въ честь веселаго бога Лѣни. Угрюмая Англія, ушедшая въ свой протестантизмъ, называлась въ то время «веселая Англія» (Merry England). Слюнки текутъ, когда у Раблэ, Кеведо, Сервантеса и другихъ неизвѣстныхъ авторовъ жизнерадостныхъ романовъ читаешь описанія тѣхъ грандіозныхъ пиршествъ*), которыя устраивались въ то время между двумя битвами и двумя набѣгами и на которыхъ «дымъ коромысломъ шель». — Жорденсъ и фламандская школа изобразили ихъ на своихъ дышущихъ жизнью картинахъ. Необъятные прожорливые желудки, что съ вами случилось? Величественные умы, познавшіе всю глубину человѣческой мысли, гдѣ вы?—Мы дѣйствительно ослабѣли и дѣйствительно выродились. Мы терпимъ голодъ и холодъ, картофель, подкрашенное фуксиномъ вино и прусская водка въ ученой комбинаціи съ вынужденнымъ трудомъ, едѣдали наше тѣло немощнымъ и освободили нашъ умъ. И въ то время, когда человѣческой желудокъ сузился, а производительность машины увеличилась, экономисты намъ проповѣдуютъ мальтузианскую теорію, религію воздержанія и догмать труда! Да имъ надо было бы вырвать языкъ и бросить его собакамъ.

Благодаря тому, что рабочій классъ въ своемъ наивномъ чистосердечіи позволилъ себя поучать, благодаря тому, что со свойственнымъ ему пыломъ, онъ безразсудно отдался труду и воздержанію, капиталистическій міръ оказался обреченнымъ на невольную лѣность и наслажденія, на непроизводительность и сверхъ-потребленіе. Но если чрезмѣрный трудъ убиваетъ плоть рабочаго и ослабляетъ его нервы, то онъ также обилень горестными послѣдствіями и для буржуа.

---

*) Эти чревоугодническія празднества длились цѣлыми недѣлями. Донъ Родриго изъ Лары, изгнавъ мавровъ изъ старой Калатравы, овладѣваетъ своею невѣстой и *Романчиро* повѣствуетъ, что: (Свадьба была въ Бургосѣ, а возвращались со свадьбы въ Саласъ; въ свадебномъ пиршествѣ и въ возвращеніи со свадьбы прошло семь недѣль; столько народу собралось, что не хватало мѣстъ...)

Люди, участвовавшіе въ этихъ кутежахъ, длившихся по семи недѣль, были героическіе солдаты войнъ за независимость.

Воздержаніе, на которое осудилъ себя производительный классъ, вынуждаетъ буржуа къ излишнему потребленію чрезмерно производимыхъ пролетаріями продуктовъ. Одно или два столѣтія тому назадъ при возникновеніи капиталистическаго производства, буржуа былъ добропорядочнымъ человекомъ, разсудительнаго и спокойнаго нрава; онъ приблизительно довольствовался своей женой; онъ пилъ лишь для утоленія жажды и ѣлъ лишь для утоленія голода. Благородныя страсти распутной жизни онъ предоставлялъ придвернымъ и куртизанкамъ.

Теперь же сынъ всякаго выскочки считаетъ себя обязаннымъ содѣйствовать развитію проституціи и напивать свое тѣло ртутью для того, чтобы осмыслить трудъ рабочихъ, наложившихъ на себя добываніе ртути; нѣтъ буржуа, который бы не объѣдался трюфельными каплунами и не опивался лафитомъ, привезеннымъ изъ другихъ странъ для того, чтобы одобрить флешскихъ птицеводовъ и бордосскихъ сборщиковъ винограда. Работа въ ртутныхъ рудникахъ быстро расшатываетъ организмъ: волосы падаютъ, зубы портятся (отдѣленіе десеви отъ зубовъ), позвоночникъ искривляется, животъ начинаетъ вздуваться, дыханіе дѣлается затрудненнымъ, сочлененія теряютъ гибкость, пальцы дѣлаются узловатыми. Другіе, слишкомъ хилые для перенесенія излишествъ кутежа, въ одержимые страстью къ экспертизѣ, иссушаютъ свои мозги, какъ Гарнье—надъ политической экономіей, какъ Аколла—надъ юридической философіей, кропотливо трудясь надъ составленіемъ объемистыхъ снотворныхъ томовъ для того, чтобы наполнить свободное время ваборщиковъ и типографщиковъ.

Свѣтскія женщины ведутъ поистинѣ мученическую жизнь. Онѣ съ утра до вечера переодѣваются, то щеголяя въ своихъ очаровательныхъ нарядахъ, швѣемъ которыхъ швеи надрываютъ свое здоровье; на нѣсколько часовъ онѣ отдаютъ свои пустыя головки въ распоряженіе артистовъ-куаферовъ, которые во что бы то ни стало хотятъ удовлетворить ихъ страсти къ пышнымъ прическамъ изъ фальшивыхъ волосъ.

Затянутыя въ корсеты, въ узкихъ ботинкахъ, декольтированныя до такой степени, что способны вогнать въ краску сапера, онѣ вертятся по цѣлымъ ночамъ на устраиваемыхъ съ благотворительной цѣлью балахъ для того, чтобы собрать нѣсколько су для бѣдняковъ. Святая душа!

Для отправленія своихъ двухъ общественныхъ функцій—

непроизводителя и сверх-потребителя буржуа долженъ былъ не только насиловать свои скромные вкусы, утратить вотъ ужъ два вѣка свои трудолюбивыя привычки и отдаться безумной роскоши, терпѣть несвареніе желудка отъ трюфелей и сифились отъ разврата,—отвлечь отъ производительнаго труда огромное количество людей, и наконецъ, окружить себя помощниками.

Вотъ нѣкоторыя данныя, доказывающія сколь колоссальна эта потеря производительныхъ силъ. По переписи 1861 г. населеніе Англія и Уэльса равнялось 20,066,244, изъ которыхъ 9,776,259 мужского пола и 10,289,965 женскаго пола. За вычетомъ слишкомъ старыхъ или слишкомъ юныхъ для работы, а также непроизводительныхъ женщинъ, подростковъ и дѣтей, далѣе лицъ *идеологическихъ* профессій, какъ то правительственныхъ лицъ, чиновъ полиціи, духовныхъ лицъ, лицъ судейскаго и военнаго званія, проститутокъ, артистовъ, ученыхъ и т. д., наконецъ, лицъ исключительно занятыхъ поглощеніемъ чужого труда въ формѣ земельной ренты, барышей, дивидендовъ и проч.,—остается въ общемъ восемь милліоновъ лицъ обоюго пола и всѣхъ возрастовъ, включая капиталистовъ, участвующихъ въ производствѣ, торговлѣ, финансовыхъ операціяхъ и проч. Изъ этихъ восьми милліоновъ:

Сельскохозяйственныхъ рабочихъ (включая пастуховъ, и служащихъ, и живущихъ у фермеровъ мужчинъ и женщинъ).	1.093.261
Рабочихъ хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ, пеньковыхъ, льняныхъ, шелковыхъ, вязальныхъ фабрикъ	642.607
Рабочихъ каменноугольныхъ копей и рудниковъ.	565.835
Рабочихъ металлургическихъ заводовъ (чугуноплавильныя, рельсопрокатныя и проч).	396.998
Домашняя прислуга.	1.208.648

«Если мы къ числу рабочихъ прядильныхъ фабрикъ прибавимъ число рабочихъ каменноугольныхъ копей и рудниковъ, то получимъ 1.308.442; если мы къ первому числу прибавимъ число рабочихъ металлургическихъ заводовъ, то полученная сумма будетъ равна 1.039.605; то есть и въ томъ и въ другомъ случаѣ, мы получимъ число меньшее, чѣмъ число домашнихъ работъ въ наше время. Вотъ великолѣпный резуль-

татъ капиталистической эксплуатаціи машинъ *)». Ко всему этому классу домашней прислуги, численность котораго указываетъ на степень развитія капиталистической цивилизаціи, надо прибавить многочисленный классъ несчастныхъ, исключительно посвятившихъ себя удовлетворенію раззорительныхъ и ничтожныхъ вкусовъ богатыхъ классовъ: гранильщиковъ, кружевницъ, вышивальщицъ, переплетчиковъ, изготовляющихъ роскошные переплеты, модистокъ, — роскошныя платья, декораторовъ, украшающихъ загородныя дома и т. д... **)

Но погруженная въ абсолютную лѣнь и развращенная невольною необходимостью наслажденій буржуазія, несмотря на все зло, причиняемое ей этимъ, приспособилась къ своему новому образу жизни. Она съ ужасомъ взглянула на то, что произошло. Жалкія условія существованія, которымъ рабочей классъ съ покорностью подчиняется, зрѣлище органическаго вырожденія, какъ слѣдствіе растлѣвающей страсти къ труду, еще болѣе увеличили ея отвращеніе ко всякому принятію на себя труда и ко всякому ограниченію наслажденій.

И именно тогда, когда пролетаріи не отдавали себѣ отчета въ томъ развратѣ, которому буржуазія предалась какъ соціальной обязанности, они вздумали наложить трудъ на капиталистовъ. Наивные, они серьезно отнеслись къ трудовымъ теоріямъ экономистовъ и моралистовъ и надрывались, стремясь практически примѣнить ихъ къ капиталистамъ. Пролетаріатъ провозгласилъ девизъ: *кто не трудится, тотъ не ѣсть*; Ліонъ въ 1831 г. возсталъ, заявивъ — *свинца или работы*; коммунары марта 1871 объявили свое возстаніе *Революціей труда*.

На эти неистовыя проявленія варварской ярости, уничтожающей всякое буржуазное наслажденіе и лѣнь, капиталисты могли отвѣтить только звѣрскими репрессіями; но они знаютъ, что если они могли подавить эти революціонныя

*) Карль Марксъ, „Капиталъ“.

**) «Пропорція, въ которой населеніе данной страны употребляется въ качествѣ домашней прислуги жилищныхъ классовъ, указываетъ на степень развитія ея національныхъ богатствъ и цивилизаціи». (Р. М. Мартэнъ, „Ирландія до и послѣ Уни“ (1818). Гамбетта, отрицавшій соціальный вопросъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ быть нуждающимся адвокатомъ, посѣтителемъ кафе Прокопъ, несомнѣнно, подразумевалъ этотъ непрерывно растущій классъ домашней прислуги, когда возвѣщалъ пришествіе новыхъ соціальныхъ слоевъ.

вспышки, то они не потопили въ крови устроенныхъ ими чудовищныхъ побоищъ абсурдную идею пролетаріата наложить трудъ на праздные и пресыщенные классы, и для прѣдотвращенія этого несчастія они окружили себя преторіанцами, полицейскими, судьями, тюремщиками, которыхъ содержатъ въ этой трудолюбивой непроизводительности. Нельзя уже долѣе сохранять иллюзіи насчетъ характера современныхъ войскъ: постоянныя войска содержатся только для подавленія «внутренняго врага»; такъ, парижская и лѣонская крѣпости были построены не для защиты города отъ иноземныхъ враговъ, а для усмиренія мятежниковъ. И если бы понадобился примѣръ, не вызывающій возраженій, то мы могли бы указать на войско въ Бельгіи, въ странѣ, гдѣ капитализмъ достигъ высшей степени развитія; ея нейтралитетъ обезпеченъ европейскими державами и, однако, ея армія въ отношеніи къ численности населенія является одной изъ наиболѣе сильныхъ. Равнины Боринажа и Шарлеруа—вотъ достославныя поля сраженія храброй бельгійской арміи; кровью безоружныхъ углекоповъ и рабочихъ бельгійскіе офицеры обагряютъ свои шпаги, и въ ихъ крови они находятъ свои эполеты. У европейскихъ народовъ нѣтъ національныхъ войскъ, но есть наемныя иностранныя войска; они охраняютъ капиталистовъ отъ гнѣва народа, стремящагося приговорить ихъ къ десятичасовому труду въ копяхъ или на прядильныхъ фабрикахъ.

Слѣдовательно, подтянувъ себѣ брюхо, рабочій классъ чрезмѣрно развилъ брюхо буржуазіи, обреченной на сверхъ-потребленіе.

Чтобы облегчить свою тяжелую работу, буржуазія изыала изъ рабочаго класса значительное количество людей, гораздо болѣе цѣнныхъ, чѣмъ та часть рабочихъ, которая посвятила себя полезному производству, и ее въ свою очередь обрекла на непроизводительность и сверхъ-потребленіе. Но и этого полчища бесполезныхъ ртовъ, несмотря на ихъ ненасытную прожорливость, оказывается недостаточно для потребленія всѣхъ товаровъ, производимыхъ рабочими, которыхъ догматъ труда лишилъ здраваго смысла: они производятъ эти товары, какъ маніаки, не желая ихъ потреблять и даже не думая, найдутся ли все люди для потребленія ихъ.

Въ виду этого двойного безумія трудящихся, въ виду того, что они надсаживаются надъ чрезмѣрнымъ трудомъ и прозябаютъ въ воздержаніи,—великая проблема капиталисти-

ческаго производства заключается не въ томъ, чтобы найти производителей и удешевить ихъ силы, но въ томъ, чтобы открыть потребителей, возбудить ихъ аппетитъ и привить имъ искусственныя потребности. Въ виду того, что околѣвающіе отъ холода и голода европейскіе рабочіе отказываются носить вытканныя ими ткани, пить приготовленныя ими вина, то бѣдняки-фабриканты, столь легкіе на подъемъ, должны искать среди антиподовъ, не найдется ли тамъ желающихъ носить эти ткани и пить эти вина: эти товары ежегодно вывозятся изъ Европы сотнями милліоновъ и милліардовъ во все концы міра къ народамъ, которые не знаютъ, что съ ними дѣлать *). Но изслѣдованныя материкъ уже оказываются недостаточно обширными, нужны дѣвственныя страны. Европейскіе фабриканты въ снѣ и на-яву грезятъ объ Африкѣ, о сахарскомъ озерѣ, о суданской желѣзной дорогѣ; они съ тоской слѣдятъ за успѣхами Ливинстона, Стенли, Шелло, Брацца; съ разинутымъ отъ изумленія ртомъ они слушаютъ рассказы о фантастическихъ приключеніяхъ этихъ отважныхъ путешественниковъ. Сколько неизвѣданныхъ чудесъ заключаетъ въ себѣ «Черный материкъ»! Поля усажены слоновими зубами, въ рѣкахъ изъ кокосоваго масла сверкаютъ золотыя блестки; милліоны черныхъ задовъ, не прикрытыхъ, какъ лицо Дивоора или Жирардена **), ждутъ тканей, чтобы стать благопристойными, чтобы познать добродѣтели цивилизаціи.

Но все бессильно: все жирѣющіе буржуа, домашняя прислуга, превосходящая численностью производительный классъ, иностранные и варварскіе народы, которыхъ заваливаютъ

---

*) Два примѣра: такъ какъ индійскіе крестьяне, несмотря на голодъ, періодически опустошающій страну, пристрастились къ воздѣлыванію мака вмѣсто того, чтобы обрабатывать рисъ или хлѣбъ, то англійское правительство, желая угодить индійскимъ крестьянамъ, должно было предпринять рядъ кровавыхъ войнъ, чтобы вынудить у китайскаго правительства согласіе на безпрепятственный ввозъ индійскаго опиума. Полинезійскіе дикари должны были одѣваться, пить и вѣть до отвала на англійскій манеръ, несмотря на вызванное этимъ усиленіе смертности и лишь для того, чтобы потреблять продукты шотландскихъ винокуренныхъ заводовъ и манчестерскихъ ткацкихъ фабрикъ.

**) Эмиль Жирарденъ— французскій журналистъ (1806—1884). Основавъ газету «Пресса» (La Presse). Отличался необыкновенною измѣнчивостью политическихъ убѣжденій.

европейскими товарами; ничто, ничто не может помочь сбыть горы товаровъ, которые вздымаются выше и грандіознѣе египетскихъ пирамидъ: производительность европейскихъ рабочихъ не боится никакого потребленія, никакой расточительности. Обезумѣвшіе фабриканты не знаютъ, что предпринять: они уже не находятъ сырого матеріала для удовлетворенія необузданной, растлѣвающей страсти ихъ рабочихъ къ труду. Въ тѣхъ изъ нашихъ департаментовъ, гдѣ развито шерстяное производство, раздергиваютъ грязное и наполовину сгнившее тряпье и дѣлаютъ изъ него сукна, называемыя «ренессансъ» (возрожденіе), отличающіяся долговѣчностью избирательныхъ обѣщаній; въ Ліонѣ вмѣсто того, чтобы стремиться сохранить за волокномъ его простоту и природную гибкость, къ нему подбавляютъ минеральныя соли, и увеличивъ его вѣсъ, дѣлаютъ его болѣе рыхлымъ и менѣе прочнымъ. Все наши товары поддѣлываются для облегченія ихъ сбыта и сокращенія ихъ существованія. Наша эпоха будетъ названа *въкомъ фальсификаціи*, какъ первыя эпохи чело-вѣчества получили названія *каменную вѣка*, *бронзовую вѣка* отъ характера ихъ производсва. Невѣжды обвиняютъ нашихъ благочестивыхъ промышленниковъ въ мошенничествѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они одушевлены мыслью доставить работу рабочимъ, которые не могутъ примириться съ праздною жизнью. Эти поддѣлки къ совершенію которыхъ фабрикантовъ побуждаетъ только чувство гуманности, но которыя приносятъ примѣняющимъ ихъ фабрикантамъ великолѣпныя барыши, если и губельно отражаются на качествахъ товаровъ, если и являются неизсякаемымъ источникомъ расточенія чело-вѣческаго труда, то все же свидѣтельствуютъ о филантропической изобрѣтательности буржуа и объ ужасной развращенности рабочихъ: эти послѣдніе для утоленія своей порочной страсти къ труду вынуждаютъ промышленниковъ заглушать въ себѣ голосъ совѣсти и насиловать даже законы коммерческой честности.

И, однако, несмотря на товарное перепроизводство, несмотря на промышленныя поддѣлки, рабочіе продолжаютъ наводнять рынокъ своими несмѣтными товарами взывая: работы, работы!—Избытокъ этихъ товаровъ долженъ былъ бы, казалось, обуздать ихъ страсть; но, напротивъ, онъ разжигаетъ ее до крайней степени. Какъ только гдѣ-нибудь предлагается работа, какъ тотчасъ-же они набрасываются на нее; тогда

они молятъ о двѣнадцати, четырнадцати часахъ труда, чтобы только быть сытыми, а на слѣдующій день они снова выброшены на улицу, не имѣя ничего для поддержанія своего порока. Ежегодно во всѣхъ отрасляхъ производства безработица возобновляется съ правильностью временъ года. За разрушительными для организма чрезмѣрными трудами слѣдуетъ абсолютный покой въ теченіе двухъ, четырехъ мѣсяцевъ; и нѣтъ работы—нѣтъ хлѣба. Такъ какъ порочная страсть къ труду дьявольски вкоренилась въ сердце рабочаго; такъ какъ количество требуемаго обществомъ труда, необходимо ограничено потребленіемъ и количествомъ находимаго въ природѣ сырого матеріала, то зачѣмъ пожирать въ шесть мѣсяцевъ трудъ цѣлаго года?—Почему не распредѣлить его равномерно на двѣнадцать мѣсяцевъ и не заставить каждого рабочаго довольствоваться пятью или шестью часами въ день въ продолженіи всего года вмѣсто того, чтобы страдать несвареніемъ желудка отъ шестимѣсячнаго труда по двѣнадцати часовъ!—Увѣренные въ своей ежедневной долѣ труда рабочіе уже не будутъ завидовать другъ другу и вступать въ бой между собою, стремясь другъ у друга вырвать изъ рукъ работу и изо рта хлѣбъ; и тогда, не истомленные тѣломъ и душою, они начнутъ осуществлять добродѣтели лѣности.

Оглушѣвъ отъ своего порока, рабочіе не могли возвыситься до пониманія того факта, что для того, чтобы имѣть работу для всѣхъ, надо выдавать ее въ уменьшенныхъ порціяхъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ на корабляхъ съ водой, когда въ ней оказывается недостатокъ. Однако, промышленники во имя капиталистической эксплуатаціи уже давно требовали законодательнаго ограниченія рабочаго дня. Въ комиссіи 1860 г. по профессиональному обученію одинъ изъ наиболѣе крупныхъ эльзасскихъ фабрикантовъ г. Буркаръ изъ Гувиллера заявилъ: «что 12-часовой рабочій день чрезмѣренъ и что надо его уменьшить до 11-ти часовъ, что въ субботу работа должна кончатся въ два часа. Я могу посоветовать принять эту мѣру, хотя она и кажется на первый взглядъ тягостной; мы примѣняли ее на практикѣ въ нашихъ промышленныхъ заведеніяхъ въ теченіе четырехъ лѣтъ и мы довольны ея результатами, ибо въ среднемъ производство далеко не уменьшилось, а увеличилось.» Въ своемъ изслѣдованіи о *машинахъ* М. Ф. Пасси цитируетъ слѣдующее письмо одного крупнаго бельгійскаго промышленника г. Оттеверъ.

«Наши прядильныя машины, хотя и ничѣмъ не отличаются отъ англійскихъ прядильныхъ машинъ, не производятъ того количества продуктовъ, какое они должны были бы производить и какое производили бы тѣ же машины въ Англии, хотя работаютъ тамъ на прядильныхъ фабрикахъ на два часа меньше... Мы работаемъ *добрыхъ два часа лишнихъ*: я убѣжденъ, что если бы работали только одиннадцать часовъ вмѣсто тринадцати, то производство осталось бы тѣмъ же, а слѣдовательно мы производили бы на болѣе экономическихъ началахъ.» Съ другой стороны Леруа-Болье утверждаетъ, что «одинъ крупный бельгійскій фабрикантъ наблюдалъ, что недѣли, на которые приходится одинъ праздничный день, ничуть не меньше продуктивны, чѣмъ обыкновенныя недѣли *).

То, чего никогда не осмѣливался сдѣлать народъ, подавшійся благодаря своему простодушію на удочку моралистовъ, то посмѣло сдѣлать аристократическое правительство. Презирая высшія моральныя и индустріальныя соображенія экономистовъ, которые словно вороны злобѣще каркали, что сокращеніе фабричнаго труда на одинъ часъ равносильно декретированію гибели англійской промышленности, англійское правительство воспретило закономъ, строго соблюдаемымъ, работать болѣе десяти часовъ въ сутки; и теперь, какъ и прежде Англія остается по промышленности первой страной міра. Передъ нами великій опытъ англичанъ, предъ нами опытъ нѣсколькихъ умныхъ капиталистовъ: онъ неопровержимо указываетъ, что для того, чтобы усилить производительную мощь человечества, надо ограничить рабочее время и умножить платежныя и праздничныя дни,—но французскій народъ не проникся этимъ убѣжденіемъ. Если ничтожное уменьшеніе на два часа услило въ десять лѣтъ англійское производство приблизительно на одну треть **), то какую головокружительную быстроту сообщить развитіе французскаго производства законодательное ограниченіе рабочаго дня до трехъ часовъ? Развѣ рабочіе не способны понять, что

*) Поль Леруа-Болье: «Рабочій вопросъ въ XIX ст.» 1872 г.

**) Вотъ данныя непрерывнаго роста національнаго богатства Англіи и Ирландіи, составленныя знаменитымъ статистикомъ лондонскаго статистическаго бюро Р. Жиффеномъ:

1814 годъ	55	милліардовъ франковъ
1865 —	162 ¹ / ₂	—
1875 —	212 ¹ / ₂	—

такой напряженный труд надрывает их силы и силы их дѣтей; что изнуренные они преждевременно дѣлаются неспособными ни къ какому труду; что отупѣвъ подъ вліяніемъ цѣликомъ овладѣвшей ими страсти, они перестаютъ быть людьми, а дѣлаются какими то развалинами; что они убиваютъ въ себѣ всѣ дарованія, чтобы только сохранить и усилить неистовую и безумную страсть къ труду?

Ахъ, какъ аркадскіе попугаи они повторяютъ урокъ экономистовъ: «Будемъ работать, работать, чтобы увеличить національныя богатства.» О, идіоты! Орудія промышленности развиваются такъ медленно именно потому, что вы слишкомъ много работаете. Перестаньте реветъ по-ослиному и выслушайте экономиста; это—не орелъ, это господинъ Л. Рейбо, котораго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы имѣли счастье потерять: «Революція въ способахъ труда обыкновенно совершается на основѣ условій сдѣльной работы. Пока цѣны на сдѣльную работу низки, ее расточаютъ, когда же цѣны повышаются, ее стремятся сберечь *). Чтобы принудить капиталистовъ къ усовершенствованію ихъ деревянныхъ и желѣзныхъ машинъ, надо повысить заработную плату и сократить часы труда машинъ изъ мяса и костей. Вы требуете доказательствъ? Ихъ можно представить сотни. Въ хлопчатобумажномъ производствѣ была изобрѣтена и црмѣнена въ Манчестрѣ *самодѣйствующая мюль-машина* (self acting mule) потому, что рабочіе отказались отъ того продолжительнаго труда, какой тамъ обычно практиковался.

Въ Америкѣ машина проникла во всѣ отрасли сельскаго хозяйства, начиная съ приготовленія масла и кончая сгребаніемъ упавшихъ во время работы колосьевъ, и почему? Потому, что свободный и лѣнливый американецъ предпочтетъ тысячу смертей воловѣй жизни французскаго крестьянина. Хлѣбопашество, столь многотрудное въ нашей доблестной Франціи, въ западной Америкѣ является пріятнымъ времяпрепровожденіемъ на открытомъ воздухѣ: американецъ работаетъ сидя и лѣнливо покуриваетъ при этомъ свою трубку.

---

*) Луи Рейбо. Хлопчатая бумага, ея режимъ, ея проблемы 1863 г.).

IV.

Новыя птицы—новыя пѣсни.

Если, сокративъ часы труда, пріобрѣтаютъ для общественнаго производства новыя механическія силы; то, принудивъ рабочихъ къ потреблеію своихъ продуктовъ, пріобрѣтутъ несмѣтную рать рабочихъ силъ. Тогда буржуазія, освобожденная отъ своей обязанности всемірной потребительницы, распуститъ полчища солдатъ, судей, посредниковъ, сводниковъ и т. д., которыхъ она изъяла изъ полезнаго труда, чтобъ найти себѣ помощниковъ для потребленія и празднаго препровожденія времени.—И именно тогда рынокъ труда будетъ переполненъ; и тогда то потребуетъ желѣзный законъ, чтобы наложить запрещеніе на трудъ: невозможно будетъ найти работу для этого легіона рукъ прежде непроеводительныхъ и болѣе многочисленныхъ чѣмъ древоточные черви. А потомъ надо будетъ подумать о всѣхъ тѣхъ, которые посвятили себя удовлетворенію ихъ нуждъ и ихъ ничтожныхъ и раззорительныхъ вкусовъ.

Когда не будетъ ни лакеевъ, ни генераловъ въ расшитыхъ галунами одеждахъ, когда не будетъ закуганныхъ въ кружева замужнихъ и незамужнихъ проституттокъ, когда не будутъ отливать пушекъ, строить дворцовъ,—тогда потребуетъ посредствомъ суровыхъ законовъ принудить работницъ и рабочихъ позументныхъ, кружевныхъ, оружейныхъ и строительныхъ мастерскихъ къ гигиенической греблѣ и балетнымъ упражненіямъ для возстановленія ихъ здоровья и усовершенствованія расы. Съ того времени, какъ перестанутъ отвозить европейскіе продукты за тридевять земель, а будутъ потреблять ихъ на мѣстѣ, моряки, барочники, перевозчики товаровъ могутъ спокойно усѣсться и отдаться лѣни.

Счастливыя полинезійцы могутъ предаваться тогда свободной любви, не боясь пинковъ цивилизованной Венеры и поученій европейской морали.

Кромѣ того, чтобы найти работу для всѣхъ непроеводительныхъ при современномъ строѣ цѣнностей, чтобы не препятствовать безконечному развитію промышленныхъ механическихъ орудій, рабочей классъ, подобно буржуазіи, долженъ будетъ насиловать свои монашескіе вкусы и безгранично развивать свои потребительныя способности. Вмѣсто того, чтобы съѣдать въ день одинъ или два унціи жесткаго мяса, они

будутъ съѣдать фунтовые или двухфунтовые сочные бифштексы; вмѣсто того, чтобы расчетливо пить скверное вино, болѣе умѣренное чѣмъ самъ пала, они будутъ осушать полные бокалы бордо, бургонскаго вина, не нуждаясь въ промышленномъ крещеніи, а воду предоставлять животнымъ.

Пролетаріи вбили себѣ въ голову, что надо принудить капиталистовъ къ десятичасовому труду на желѣзодѣлательныхъ или сахарныхъ заводахъ; это — крупная ошибка, это причина общественныхъ антагонизмовъ и гражданскихъ войнъ. Надо запрещать трудъ, а не валагать его. Ротшильды, Сэн будутъ приняты послѣ того, какъ представятъ доказательства, что въ теченіе всей своей жизни были идеальными бездѣльниками; если они принесутъ клятву, что и впредь будутъ жить въ совершенномъ бездѣліи, несмотря на всеобщее увлеченіе трудомъ, то они будутъ приняты во вниманіе и каждое утро будутъ получать въ соотвѣтственныхъ ратушахъ двадцати-франковую монету въ качествѣ карманныхъ денегъ. Общественные раздоры прекратятся.

Рантѣ, капиталисты первыми присоединятся къ народной партіи, какъ только они убѣдятся, что народъ далекъ отъ желанія причинить имъ зло, а, напротивъ, хочетъ освободить ихъ отъ труда чрезмѣрнаго потребленія и праздности, обременявшихъ ихъ со дня рожденія. Что же касается буржуа, которые не въ состояніи доказать своего званія бездѣльниковъ, то пусть они свободно слѣдуютъ своимъ влеченіямъ: для нихъ найдутся непріятныя занятія.

Дюфоръ чистилъ бы общественные клозеты, Галиффе сталь бы мыть парливыхъ свиней и сапныхъ лошадей; члены коммисіи помилованія, отправленные въ Шуасси, отвѣчали бы быковъ и барановъ, предназначенныхъ на убой; сенаторы исполняли бы обязанности факельщиковъ въ торжественныхъ погребальныхъ процессіяхъ. Для другихъ нашлись бы занятія въ мѣру ихъ разума. Лоршериль, Врогли затыкали бы пробками бутылки шампанскаго, но имъ надѣвали бы намордники, чтобы они не напились; Ферри, Фрейсинэ, Тираро занимались бы чисткой министерствъ и другихъ общественныхъ трактировъ отъ клоповъ и прочей нечисти; надо помнить, что въ виду выработавшихся практикой привычекъ не слѣдуетъ отдавать въ распоряженіе буржуа общественныхъ суммъ.

Но жестокая и продолжительная месть ждетъ моралистовъ, извращавшихъ человѣческую природу, этихъ ханжей, пусто-

святъ, лицемѣровъ, а также тѣ прочія секты, которыя лице-
мѣрили, чтобы обманывать людей. Ибо они стремятся внушить
простонародью, что они исключительно заняты размышленіями,
благочестіемъ, постами и воздержаніемъ отъ чувственныхъ
удовольствій, что они только въ предѣлахъ необходимости
поддерживаютъ свои бранныя силы: на самомъ же дѣлѣ, Ты,
Господи, вѣси, что они творять въ своемъ чревоугодіи! Они
притворяются куріями, а предаются вакханаліямъ *).
Вы это ясно увидите, смотря на ихъ красныя рожи и вздутые
животы, особенно, если отъ нихъ не пахнетъ сѣрководородомъ **).
Въ дни великихъ народныхъ празднествъ, какъ 15-ое августа
и 14-ое іюля вмѣсто того, чтобы глотать пыль, поднимаемую
буржуями, коммунисты и коллективисты будутъ раскупоривать
бутылки, тащить окорока и воровать бокалы, а въ это время
члены академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, свя-
щеннослужители экономической, католической, протестантской,
іудейской, позитивной и свободомыслящей церкви въ длин-
ныхъ и короткихъ одѣяніяхъ, пропагандисты мальтузіанства
и христіанской, альтрунетической, независимой или зависимой
морали, одѣтые въ желтыя платья, должны будутъ, обжигая
себѣ пальцы, держать въ рукѣ свѣчку; и они будутъ жить
въ голодѣ среди галльскихъ женщинъ и столовъ, убранныхъ
явствами, фруктами и цвѣтами и будутъ томиться жаждою
среди откупоренныхъ бочекъ. Четыре раза въ году, когда
одно время года смѣняетъ другое, ихъ будутъ сажать въ
большія колеса, какъ собакъ точильщиковъ, и они должны
будутъ молоть вѣтеръ. Адвокаты и законовѣды будутъ под-
вергнуты такой же мукѣ.

При господствѣ лѣности, чтобы убить время, которое еже-
секундно убиваетъ насъ, будутъ постоянно устраивать раз-
влеченія и театральныя представленія; это совсѣмъ еще но-
вая работа для нашихъ буржуа законовѣдовъ. Ихъ соорга-
низуютъ въ театральныя группы и они будутъ ходить по
ярмаркамъ и селеніямъ, давая законодательныя представленія.
Генералы съ аксельбантами, въ ботфортахъ, съ грудью, увѣ-
шанной орденскими лентами и орденомъ Почетнаго Легіона,
будутъ ходить по улицамъ и площадямъ, собирая вокругъ себя
добрыхъ людей. Гамбетта и его помощникъ Кассаньякъ бу-

*) Ювеналъ.

**) Пянтагрюзль, кн. II, гл. LXXIV.

дуть зазывать народъ въ балаганы. Кассаньякъ въ яркомъ парадномъ мундирѣ, вращая глазами, крутя усь, изрыгая зажженные пакли, угрожаетъ всему міру пистолетомъ своего отца и проваливается въ бездну, какъ только ему показываютъ портретъ Лилле; Гамбетта будетъ болтать объ иностранной политикѣ, о маленькой Греціи, которая его поучаетъ, и взбудоражить Европу, чтобы обокрасть Турцію; о большой странѣ Восточной Европы, которая обѣщаетъ сварить изъ Пруссіи компотъ, и желаетъ раздоровъ и неурядицъ на западѣ Европы, чтобы тѣмъ временемъ набить, себѣ карманы на востокѣ и задушить нигилизмъ внутри; о господинѣ Бисмаркѣ, который былъ настолько добръ, что разрѣшилъ ему высказаться въ пользу амнистіи... затѣмъ, обнаживъ свой большой животъ, раскрашенный тремя красками, онъ кликнетъ кличъ, начнетъ перечислять всѣхъ прелестныхъ маленькихъ животныхъ ортолановъ, трюфелей, маргосскія и икемскія вина, которыхъ онъ поглощалъ съ цѣлью поощренія земледѣлія и держанія на привязи бельвилльскихъ избирателей

Въ балаганѣ начнутъ съ представленія *Избирательнаго фарса*.

Предъ избирателями съ деревянными головами и ослиными ушами, буржуазные кандидаты, одѣтые паяцами, протанцуютъ танецъ политическихъ правъ, вытирая себѣ лицо и голову своими избирательными программами съ многочисленными обѣщаніями и со слезами на глазахъ говоря о бѣдствіяхъ народа и трубнымъ голосомъ о доблестныхъ подвигахъ Франціи; а избиратели съ важною будутъ хоромъ отвѣчать по ослиному: хи ханъ, хи ханъ!

Затѣмъ будетъ представлено великое произведение: *Расхищеніе національныхъ имуществъ*.

Капиталистическая Франція, огромная самка, съ обросшимъ волосами лицомъ и съ плѣшивымъ черепомъ, обрюзглая, съ дряблымъ, пухлымъ и безкровнымъ тѣломъ, съ потухшими глазами, сонная, зѣвая вытягивается на бархатномъ диванѣ; у ногъ ея промышленный капитализмъ, гигантское тѣло изъ желѣза, съ обезьянообразнымъ лицомъ, механически пожираетъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей; ихъ ужасные, раздирающіе душу вопли наполняютъ собою воздухъ; Банкъ съ мордой куницы, съ тѣломъ гіены и руками гарпіи проворно вытаскиваетъ у него изъ кармана монеты въ сто су. Толпы жалкихъ,

исхудалыхъ и оборванныхъ пролетаріевъ, конвоируемыхъ жандармами, съ саблями на-голо, гонимыхъ фуріями, которыя хлещутъ ихъ бичами голода, приносятъ къ ногамъ капиталистической Франціи груды товаровъ, бочки вина, мѣшки золота и хлѣба. Ланглуа, придерживая одной рукой свои штаны, а въ другой держа Евангеліе отъ Прудона, съ приходорасходной книгой въ зубахъ, становится во главѣ защитниковъ національныхъ имуществъ и предводительствуетъ ими. Ноша сложена, ударами палокъ и штыковъ рабочихъ изгоняютъ и раскрываютъ двери передъ промышленниками, торговцами и банкирами. Толкая другъ друга они набрасываются на кучи, съ жадностью расхищаютъ товары, мѣшки хлѣба, слитки золота, опустошаютъ бочки вина, грязные, отвратительные они въ изнеможеніи садятся въ свои нечистоты, рвоты... Раздаются раскаты грома, земля содрогается до основанія и изъ разверстой земли, показывается историческая Необходимость; своей желѣзной ногой она размокаетъ головы тѣмъ, которые икаютъ, пьяно пошатываются, падаютъ и не могутъ скрыться отъ нея, и своей огромной рукой она опрокидываетъ изумленную и всю въ поту отъ страха капиталистическую Францію.

* *
* *

Когда рабочій классъ, вырвавъ изъ своего сердца порокъ, владычествующій надъ нимъ и принижающій его, подымется во всей своей страшной силѣ не для того, чтобы провозгласить *права человека*, являющіяся по существу своему правами капиталистической эксплуатаціи, не для того, чтобы провозгласить *право на трудъ*, ибо оно есть ничто иное, какъ право на бѣдность, но чтобы выковать желѣзный законъ, запрещающій всѣмъ работать болѣе трехъ часовъ въ сутки, тогда земля, старая земля содрогнется отъ радости, чувствуя, какъ трепещетъ въ ней новый міръ...

Но какъ требовать отъ пролетаріата, развращеннаго капиталистическою моралью, мужественнаго рѣшенія...

Подобно Христу, печальному олицетворенію античнаго рабства, пролетаріи—мужчины, женщины, дѣти въ теченіе вѣковъ съ усиленіемъ взбираются на крутую Голгофу страданій; въ теченіе вѣковъ подневольный трудъ сокрушаетъ ихъ кости, убиваетъ ихъ тѣло, терзаетъ ихъ нервы; въ теченіе вѣковъ

голодь поражает их внутренности и возбуждает галлюцинации въ ихъ мозгу!.. О, лѣньность, сжался надъ нашей безконечной нищетой! О, лѣньность, мать искусства и благородныхъ добродѣтелей, излей свой цѣлительный бальзамъ на страдающее человѣчество!

Приложеніе.

Наши моралисты—люди очень скромные; измысливъ догмать труда, они сомнѣваются въ дѣйствительности этого средства,—въ томъ, что оно успокаиваетъ душу, увеселяетъ разумъ и поддерживаетъ правильное функціонированіе почекъ и другихъ органовъ; они хотятъ произвести опыты надъ его дѣйствиємъ на простонародь, *in animâ vili*, прежде чѣмъ примѣнить его къ капиталистамъ, ибо оправдывать и освящать пороки капиталистовъ—ихъ назначеніе.

Но философы, цѣною въ четыре су дюжина, зачѣмъ вамъ изощрять свой умъ и корпѣть надъ выработкой морали, практику которой вы не смѣете посовѣтовать вашимъ хозяевамъ?

Хотите ли вы видѣть вашъ догмать труда, которымъ вы такъ кичитесь, осмѣяннымъ, опозореннымъ? Откроемъ исторію древнихъ народовъ и писанія ихъ философовъ и ихъ законодателей.

«Я не стану утверждать»—говоритъ отецъ исторіи Геродотъ,—«что греки унаслѣдовали отъ египтянъ то презрѣніе къ труду, которое у нихъ замѣчается, ибо такое же презрѣніе я нахожу у еракійцевъ, скиѳовъ, персовъ, лидійцевъ; словомъ у большей части варваровъ на тѣхъ, кто изучаетъ механическія ремесла и даже на ихъ дѣтей смотрятъ, какъ на послѣднихъ граждѣнъ... Всѣ греки воспитывались въ этихъ принципахъ, особенно же лакедемоняне» *).

«Въ Афинахъ истинно благородные граждане должны были заниматься только защитой и управленіемъ общины подобно дикимъ воинамъ, отъ которыхъ они вели свое происхожденіе. Чтобъ быть всегда свободными и, чтобы, благодаря своей умственной и физической силѣ, быть на сторожѣ интересовъ республики, они возложили весь трудъ на рабовъ.

Точно также въ Лакедемоніи женщины не должны были ни прясть, ни ткать, чтобы не лишиться правъ своего благороднаго званія» **).

*) Геродотъ. Томъ II. Пер., Ларшеръ, 1786 г.

**) Біо. „Объ уничтоженіи древняго рабства на Западѣ“, 1840.

Римляне признавали только два занятія благородными и свободными — земледѣліе и военную службу; по закону все граждане жили на счет казны; не будучи обязаны заботиться о своемъ пропитаніи посредствомъ какого либо изъ *гнуемыхъ искусствъ* (такъ они называли ремесла), занятіе которыми по закону лежало на обязанности рабовъ. Врутъ Старшій, чтобы поднять народное возстаніе обвинялъ тирана Тарквинія особенно въ томъ, что онъ едѣлалъ изъ свободныхъ гражданъ ремесленниковъ и каменщиковъ *).

Философы древности спорили о происхожденіи идей, но они сходились въ своемъ презрѣніи къ труду. «Природа», говоритъ Платонъ въ своей соціальной утопіи, въ своей образцовой республикѣ, «не создаетъ ни сапожниковъ, ни кузнецовъ; подобныя занятія унижаютъ людей, примѣняющихъ ихъ, презрѣнные наемники, несчастные, безъ имени они даже не допущены, вслѣдствіе своего положенія, къ пользованію политическими правами. Что же касается торговцевъ, привыкшихъ лгать и обманывать, то ихъ терпятъ въ городѣ лишь какъ неизбежное зло. Гражданинъ, который унижить себя лавочной торговлей, будетъ преслѣдуемъ за эготъ поступокъ. Если онъ уличенъ, его приговорятъ къ годичному тюремному заключенію. Наказаніе будетъ удвоено при каждомъ рецидивѣ» **).

Въ своей «*Экономикѣ*» Ксенофонтъ пишетъ: «Люди, занимающіеся ручнымъ трудомъ, ни въ коемъ случаѣ не могутъ выполнять гражданскихъ обязанностей, и это весьма понятно. Большинство принуждено проводить цѣлые дни въ сидячемъ положеніи; нѣкоторые выносятъ даже дѣйствіе постоянного пламени, все это не можетъ не повліять разрушающе на ихъ тѣло и весьма трудно, чтобы это не отразилось на ихъ умѣ».

«Развѣ можетъ что либо доброе выйти изъ лавки», поучаетъ Цицеронъ, «и что достойное можетъ произвести торговля? Все, что называется лавкой, недостойно честнаго человѣка... торговецъ не можетъ заработать, не солгавъ, а что можетъ быть постыднѣе лжи! Слѣдовательно, на занятія,

*) *Титъ Ливій*, кн. I.

***) Платонъ, „*Республика*“, кн. V.

выполняемая тѣми, которые продаютъ свой трудъ и свое искусство, надо смотрѣть, какъ на вѣчто низкое и презрѣнное, ибо, кто отдаетъ свой трудъ за деньги, продаетъ самого себя и становится въ ряды рабовъ» *).

Пролетаріи, оступившіе отъ догмата труда, слышите ли вы языкъ этихъ философовъ, отъ котораго васъ оберегаютъ съ ревнивою заботливостью: гражданинъ отдающій свой трудъ за деньги, низводитъ себя въ ряды рабовъ, совершаетъ преступленіе, достойное нѣсколькихъ лѣтъ тюрьмы.

Христіанское лицемѣріе и капиталистическій утилитаризмъ не развратили этихъ философовъ античныхъ республикъ; говоря, какъ свободные люди, они откровенно высказывали свои мысли. Платонъ, Аристотель, эти философы гиганты, пятки которыхъ могутъ достать наши Кузены, наши Каро, наши Симоны, лишь поднявшись на ципочки, хотѣли, чтобы граждане ихъ идеальныхъ республикъ жили бы въ возможно большей праздности, «ибо», прибавляетъ Ксенофонтъ, «работа отнимаетъ все время и совсѣмъ не оставляетъ свободного времени для республики и для друзей». По мнѣнію Плутарха великое прозвище Ликурга «самаго мудраго изъ людей», на удивленіе потомству, заключается въ дарованіи свободнаго времени гражданамъ республики посредствомъ запрещенія заниматься какимъ либо ремесломъ **).

Но, скажутъ намъ Бастіа, Дюпанлу, Болье и К^о христіанской и капиталистической морали, вѣдь эти мыслители, эти философы восхваляли рабство. Превосходно, но при экономическихъ и политическихъ условіяхъ ихъ времени могло ли быть иначе? Война была нормальнымъ состояніемъ античныхъ обществъ; свободный человѣкъ долженъ былъ посвящать свое время обсужденію дѣлъ государства и его защитѣ; ремесла въ то время были еще слишкомъ примитивны и слишкомъ грубы, чтобы занимаясь ими можно было бы исполнять обязанности солдата и гражданина; чтобы имѣть воиновъ и гражданъ, философы и законодатели должны были терпѣть въ героическихъ республикахъ рабовъ. А моралисты и экономисты капитализма, развѣ не восхваляютъ они наемниче-

*) Цицеронъ «Объ обязанностяхъ». Часть II. гл. XLII.

***) Платонъ: «Республика» V и «Законы», VIII Аристотель: «Политика», II и VII. Ксенофонтъ; «Экономика», IV и VI. Плутархъ: «Жизнь Ликурга».

ства, современнаго рабства? И какимъ людямъ капиталистическое рабство дало досугъ? Ротшильдамъ, Шнейдерамъ, мадамъ Букико, людямъ бесполезнымъ и вреднымъ, рабамъ своихъ пороковъ и своихъ слугъ.

«Предразсудки рабства господствовали надъ умами Пинеагора и Аристотеля», пренебрежительно пишутъ теперь; и, однако, Пинеагоръ предвидѣлъ, что «еслибъ каждый инструментъ могъ выполнить свойственную ему функцію, ничего не требуя, или же безъ посторонняго участія, подобно тому какъ образцовыя произведенія Дедала двигались сами собою, или какъ треножки Вулкана самопроизвольно принимались за свою священную работу; еслибъ, напримѣръ, ткацкіе челноки сами ткали, то хозяинъ мастерской не вуждался бы въ помощникахъ, а господинъ въ рабахъ». Мечта Аристотеля—уже дѣйствительность. Наши машины съ огненнымъ дыханіемъ, съ незнающими устами стальными членами, съ чудесной неистощимой плодovitостью сами покорно выполняютъ свою священную работу. И, однако, надъ гениемъ великихъ философовъ капитализма владычествуетъ предразсудокъ наемничества, худшей формы рабства. Они еще не понимаютъ, что машина—искупительница челоуѣчества, Богъ, который освободитъ челоуѣка отъ *инусныхъ искусствъ* и наемнаго труда, Богъ, который дастъ ему досугъ и свободу.

